

*Игорь Калакаускас
(Таллин, Эстония)*

РУССКАЯ ШКОЛА В ЭСТОНИИ: ЕСТЬ ЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЕ СОХРАНИТЬ?

Прежде чем ответить на вопрос заголовка, придется внести некоторую ясность. Из 143 тысяч учеников общеобразовательных школ Эстонии (данные 2011/12 учебного года) около трети считают своим родным языком русский (либо вторым родным). Однако далеко не все из них получают среднее образование в школах с русским языком обучения (по разным оценкам, около 15 % школьников-неэстонцев учатся в учебных заведениях, где язык обучения исключительно эстонский; статистическая неточность объяс-

няется тем, что многие из названной категории не могут отнести себя только к родной языковой группе, поскольку живут в смешанных по языку семьях).

Школы с русским языком обучения (их количество не даст полноты картины, поскольку число учеников в них разное: в Эстонии очень много малокомплектных школ, где учатся менее 200 человек, однако в большинстве этих школ основным языком обучения является эстонский) находятся в Таллине, Йыхви, Силламяэ, Нарве, Тарту и Пярну. Но поскольку в этих школах широко распространилась практика создания классов «языкового погружения», то назвать их исключительно русскими было бы не совсем корректно.

Согласно Закону о школе, в Эстонии нет «русских школ», все школы — эстонские. Есть «школы с русским языком обучения». На основной ступени (1 — 9-й класс) ввести неэстонский язык обучения можно с разрешения муниципалитетов (что пока и происходит на практи-

ке). В гимназической ступени (10–12-й класс) аналогичное разрешение дает правительство, однако закон никак не регулирует норму, позволяющую или не позволяющую такое разрешение выдать. На сегодняшний день преподавать в гимназии на негосударственном (то есть не на эстонском) языке позволено только одной гимназии Эстонии — Немецкой. Выдавая такое разрешение, правительство объясняло его наличием межгосударственных договоренностей между Эстонской Республикой и Федеративной Республикой Германией. Никаких договоренностей по аналогичному вопросу между Эстонией и Россией пока не существует.

Поскольку названный выше закон определил, что в гимназиях основным языком обучения может быть только эстонский (если не существует разрешений правительства по иному языку обучения), то формально гимназий с русским языком обучения в республике уже не осталось. Здесь следует заметить, что с юридической точки зрения (исходя из эстонского законодательства), если не менее 60 % курсов (35-часовых циклов) ведется в учебном заведении на государственном языке, то оно считается заведением с эстонским языком обучения.

Итак, чисто теоретически на сегодняшний день основной язык обучения гимназий Эстонии — эстонский. На практике же ситуация выглядит несколько иным образом. Если не считать небольшое количество школ, где в одном здании учатся как эстонцы, так и неэстонцы, то следует признать, что гимназическое образование для эстонцев и неэстонцев имеет качественные отличия. Чиновники Министерства образования открыто заявляют, что обучение на русском языке неконкурентоспособно, однако никто из них не пытается вникнуть в то, насколько качественным является обучение на эстонском для тех, чей родной язык русский: никаких независимых исследований по этому вопросу до сих пор не проводилось. Здесь непременно стоит отметить, что формально нет никаких препятствий для поступления в гимназию даже тем, кто не смог сдать эстонский язык по окончании основной школы на категорию В1 (для сдачи экзамена достаточно 20 баллов; для получения категории — не менее 60).

В ряде регионов для повышения мотивации педагогов школ с русским языком обучения к их окладам прибавляется 30 %, если они ведут свой предмет на эстонском языке. Никаких особых требований по качеству даваемых ими знаний к данной категории педагогов не предъявляется, кроме того, что они должны сами знать эстонский язык на категорию не ниже С1. Однако нередки случаи, когда эти требования остаются лишь на бумаге.

В такой непростой политической обстановке русской общине приходится искать ответ на вопрос, есть ли смысл сохранять образование на русском языке в принципе. Важнейшим фактором в этой дилемме можно считать отсутствие диалога между Министерством образования и представителями русской общины. Созданный в 2010 году Совет объединения «Русская школа Эстонии» (РШЭ) взял на себя инициативу решить вопрос конституционным способом. Однако деятельность РШЭ больше напоминает конфронтацию — причем как с Министерством образования, так и с отдельными представителями русской общины. Можно утверждать, что на уровне государства ситуация застыла в некоей неопределенности, когда ни одна из сторон не хочет слушать оппонентов. Чиновники осознают, что в русских гимназиях качество преподавания на эстонском языке находится в целом на неудовлетворительном уровне, но ссылаются на необходимость выполнять требования закона. Руководители заметного числа русских школ тщательно скрывают истинное положение с преподаванием на эстонском языке, чтобы не навлечь на себя гнев чиновников (поскольку именно школа, согласно закону, должна обеспечить качественное образование). Родители большинства учеников начинают искать альтернативу в виде найма репетиторов, определения на курсы или даже перевода своих детей в эстоноязычную школу. Сами ученики зачастую являются заложниками сложившейся ситуации и предпочитают плыть по течению.

В свете всего вышесказанного нетрудно понять, почему сохранением русскоязычного школьного образования в Эстонии никто всерьез не занимается. Педагогические вузы республики прекратили готовить специалистов для иноязычных школ практически сразу после обретения независимости от СССР. Те выпускники, что смогли выучиться на педагогов-предметников на эстонском языке, зачастую не владеют русскоязычной терминологией по своему предмету (в чем призналась некоторое время назад ректор Нарвского колледжа Тартуского университета Катри Райк). Если добавить, что педагогические кадры Эстонии стремительно стареют (это касается всех школ): средний возраст учителей — около 54 лет, то становится совершенно непонятной перспектива в целом.

Что можно было бы сделать для сохранения в Эстонии школ с русским языком обучения? Самым главным мне видится начало конструктивного сотрудничества с Россией. В первую очередь, для повышения квалификации эстонских педагогов, работающих в русских школах. Главным препятствием здесь является не столько отсутствие политической воли, сколько значительное несовпадение учебных про-

грамм: у Эстонии и России принципиально разные требования к школьному образованию, к содержанию обучения. В идеале сотрудничество могло бы вылиться в создание в Таллине (либо, если смотреть шире, в одной из прибалтийской столиц) филиала московского педагогического вуза.

Таллин и Нарва рассматривают вопрос о создании частных русскоязычных гимназий. Закон это позволяет делать на базе муниципальных школ. Первые попытки совершить все юридические формальности уже предприняты, однако в Министерстве образования уже успели отреагировать на такую инициативу негативно. Русскоязычное население (в первую очередь, родители) крайне настороженно относятся к этой затее, поскольку всерьез обеспокоены тем, что выпускники таких гимназий не получат доступа к продолжению образования в вузах. Эти опасения базируются в основном на распространенном и навязанном государством мнении, что образование на русском языке — неконкурентоспособно. В эстоноязычной медиа-среде стремление неэстонцев сохранить русскоязычное образование чаще всего преподносится как нежелание русских учить государственный язык.

Следовательно, вопрос сохранения русской школы становится глубоко внутренним делом Эстонии. Его можно решить только в результате конструктивного диалога. Ресурс России есть смысл использовать после того, как будет достигнуто принципиальное соглашение о формате существования школ. Если учесть, что сейчас Эстония стоит на пороге реструктуризации школьной сети (фактического отделения основных школ от гимназий), то в известном смысле созрел момент, когда существует возможность прийти к какому-то политическому и административному решению. Однако это может произойти только при активном вовлечении в процесс русской общины.